

Рецензия на книгу: Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

Оберемко Олег Алексеевич

к.с.н., докторант Института социологии РАН

Не во всякой книге, претендующей на научность, на первых страницах можно найти простое объяснение, зачем автор сел за письменный стол. Цель книги изложена следующим образом: дать «системное описание природы феномена» (с. 10), т.е. неформальной экономики. Здесь же автор предупреждает, что читателю не представят «эмпирических расчетов», а дадут только «схемы реальности». Сразу ясно, что речь идет не столько о «природе феномена», сколько о его схематическом описании.

В книге делается попытка дать систематическое описание качественно разнородных видов деятельности, в которых агенты иногда естественным образом – просто в силу самой природы деятельности – ускользают, а иногда *намеренно стараются* ускользнуть от подчинения формальным институтам хозяйствования и статистического учета. Трудность выполнения поставленной задачи становится очевидной, если учесть, что прилагательное «неформальный», как верно замечает М. Дезер, «входит в синонимические ряды и к слову “преступный”, и к слову “дружеский”»¹. Однако специалисты, занимающиеся исследованием отдельных отраслей неформальной экономики, найдут здесь не только предметы для споров, но и основания для более взвешенного взгляда на объект исследования. Начинаящим экономсоциологам книга будет полезна как логия. Для широкого круга читателей интерес могут представлять многочисленные сюжеты, увязывающие проблематику неформальной экономики со смежными областями. Многие главы представляют собой увлекательное, доступное и в то же время умное чтение.

Раздел 1 открывается развернутым введением (глава 1) в проблематику. Здесь проделана инвентаризация понятий, применявшихся для обозначения одного и того же референта. Глава отчасти построена в логике исторического очерка об «открытии» неформальной экономики (НЭ). Подчеркивается, что термин поначалу применялся по отношению к развивающимся странам и был скорее политкорректным, нежели теоретически валидным, а его употребление было конвенциональным и более опиралось на здравый смысл, чем на тщательную теоретическую проработку (с. 17)². Далее излагаются два подхода к изучению неформального сектора, характерных для первого этапа исследований. Первый подход акцентирует внимание на «*характере деятельности предприятий неформального сектора*», стремящихся к сокращению издержек (с. 17), второй – на «*преступании через закон* (курсив. – С.Б.)» (с. 18). Из текста (с. 17–19) можно сделать вывод, что речь идет об одном и том же мотиве, который в разных объективных условиях концептуализируется в разные цели. Для обоих подходов характерен нормативизм, в логике которого явление определяется не по существу, а в зависимости от государственных санкций.

После «открытия» НЭ в развитых странах на смену упрощенному делению без остатка на формальную и неформальную экономику пришло представление о континууме

¹ Дезер М. «Неформальные отношения»: как с ними быть? // Вестник общественного мнения. 2003. № 1 (67). С. 66.

² Здесь автор довольно изоциренно переводит «common sense notion» как «примерно равное понимание смысла» (с. 17).

альтернативных укладов и понимание того, что НЭ свойственна всем – а не только неразвитым – формам хозяйствования (с. 25). Из краткого обзора возникших после «открытия» теоретических течений (с. 24–27) может возникнуть не предусмотренное впечатление, что и на этом этапе термин не стал свободным от врожденной «политкорректности»: конструкторы научного и политического дискурсов НЭ вполне могли отражать интересы различных субъектов социального действия. В частности, разработка монетарных и немонетарных методов оценки «скрытой» экономики хорошо увязывается с задачей улучшения учета экономической деятельности (повышения собираемости налогов), а изучение домашней экономики велось в рамках гендерной исследовательской программы.

Краткий обзор вариантов сегментации НЭ (с. 28–33) автор завершает построением собственной карты НЭ, где выделяются четыре сегмента: криминальное и теневое предпринимательство, сетевые обмены и домашняя экономика (с. 38). Первые два сегмента НЭ относятся к основанной на рыночном обмене и извлечении прибыли экономике «большого общества» и включают транзакции «вопреки закону» (т.е. противоречащие формальному праву), вторые образуют НЭ «вне закона» – состоящую из межличностных обменов. Это деление, очевидно, построено на представлении о том, что вся экономика «большого общества» должна *без остатка регулироваться* формальным правом, в то время как экономика «межличностных обменов» формальному праву *принципиально не подсудна*, поскольку *изначально* укоренена в неформальных институтах (с. 37).

Таким образом, схема охватывает все виды возможных транзакций, имеющих экономический смысл. Именно в силу систематичности (что является несомненным достоинством), предложенная схема, по-видимому, обречена вдохновлять исследователей (и последователей) на новые попытки концептуализации поля неформальной экономики. Дело не только в существовании континуума и нечистых, «пограничных» форм.

Автор признается, что ей «даже в фантазиях трудно представить общество, в котором бы создавались бы законы, регламентирующие распределение внутрисемейных обязанностей и режим домашнего труда, лимитировались бы подарки соседям и помощь детям, а создаваемые для внутрисемейного потребления блага облагались бы налогом» (с. 35). Оставим разбор антиутопических вымыслов литературоведам (и позавидуем способности автора лишь к невинным фантазиям). Просто вспомним нормативно закрепленные ограничения в эпоху дефицитов на пересылку родственникам по почте продуктовых даров, например, сахара в количестве, не оставляющем надежд на коммерческую выгоду. Вспомним, например, что советский мужчина должен был иметь весьма веские аргументы, чтобы быть домохозяйном и при этом избежать квалификации тунеядца. Вспомним, что родственное дарение «крупных вещей» регламентируется писаными законами и подлежит декларированию в «цивилизованных обществах» с надежно защищенной приватностью. Вообще сравнение кодифицированного семейного права в обществах, принадлежащих к разным цивилизационным ареалам, даст массу релевантных примеров для экономико-социологических размышлений о НЭ. Это – с одной стороны.

С другой стороны, экономическая сфера «большого общества» всегда полна внеправовых пустот, куда не успела ступить «нога законодателя». Кодификация всегда отстает от практики, что и оправдывает существование, в частности, легиона специалистов по «оптимизации налоговых схем». Выходит, что некоторые виды активности в экономике «большого общества» тоже могут быть «вне закона» (если, конечно, не давать закону обратную силу). И тогда ясно, что граница между формальным и неформальным является продуктом переговоров между претендентами на учреждение правил игры.

Тем не менее, предложенная С.Ю. Барсуковой схема заслуживает внимания хотя бы потому, что представляет собой попытку концептуализировать объект по существу, а не в зависимости от санкций со стороны устанавливающих правила игроков. Здесь, правда, можно возразить, что само обозначение объекта – «неформальная экономика» – едва ли

имеет какой-то смысл вне контекста этих самых санкций. Возражение, конечно, сильное. Однако даже согласие с ним приводит к важному следствию: эссенциалистский нормативный подход больше не кажется бесспорным.

Мы столь подробно остановились на вводной главе, потому что именно в ней закладывается основа «системного описания природы феномена».

В главе 2 даются обзор и критика гипотез о причинах развития НЭ отдельно в развивающихся и развитых странах, которые завершаются выводом о том, что фокусирование на локальных причинах НЭ приводит к игнорированию глобальных влияний, попытки же выделить универсальные причины страдают небрежением локальной (региональной, отраслевой и т.п.) специфики (с. 37).

Знакомясь с главой 3, читатель может убедиться, что трудности теоретической концептуализации НЭ связаны не столько с несовершенством понятийного аппарата, сколько, во-первых, с разнообразием идеологической оптики, неизбежно предпосланной всякой концептуализации, и, во-вторых, с функциональной амбивалентностью самого референта и его зависимостью от социального контекста. Автор солидаризируется с Й. Шумпетером в том, что «вера каких-то групп людей в свою свободу от идеологической заданности представляется... просто особо зловредным свойством их системы иллюзий» и справедливо утверждает, что «вид на неформальную экономику из разных идеологических космосов, несомненно, будет различаться» (с. 58), поскольку в разных идеологиях отводится разная роль государству и по-разному трактуется легитимность устанавливаемых им правил. С точки зрения доктрины классического (ортодоксального) либерализма теневая деятельность представляется «естественной и разумной реакцией» на неэффективные формальные нормы (с. 63); несмотря на предпринятые автором попытки наметить разницу между трактовками НЭ ортодоксальным и социально ориентированным либерализмом (с. 63–67), специфику уловить трудно. Для консерваторов «теневики» неприемлемы, потому что они ломают правило игры, на которых зиждется общество (с. 71). Идеологи социализма (по всей видимости, идеология советского образца) оценивают нарушение формальных правил экономического взаимодействия в зависимости от историко-революционного контекста (с. 74).

Солидаризация с Й. Шумпетером не мешает автору устранить от экспликации собственной «идеологической заданности». Ее можно было бы не требовать, но приведенная цитата звучит сильно и дает повод к недоумению: если «из разных идеологических космосов» видно иное, а стремиться быть «вне идеологий» значит впасть в опасную иллюзию, то можно ли на нее смотреть как-то по существу, чтобы «увидеть жесткий каркас причинности и череду неочевидных следствий» (с. 10)?

Забегая вперед, укажем, что «идеологическая позиция» автора вполне отчетливо выражена в разделах 4 и 5: разработка и внедрение эффективных формальных норм могут опираться только на партнерские отношения заинтересованных сторон.

Состоящий из двух глав раздел 2 целиком посвящен российскому материалу. Рассмотрев временной (исторический) и пространственный аспекты НЭ в одной отдельно взятой стране, автор вновь приходит к выводу о бессмысленности суждений о НЭ «вообще» (с. 114). С опорой, главным образом, на зарубежные источники делается экскурс в историю советской «второй экономики», описываются благоприятные для ее развития сферы легальной частной деятельности и некоторые формы нелегальной деятельности. Основательно прописаны функции «второй экономики» в советском обществе. В ней были заинтересованы все экономические агенты (потребители, производители и власть), поскольку она смягчала хронический товарный дефицит, снижала высокий инфляционный потенциал централизованной экономики, открывала (хотя и строго ограниченный) простор для инициативы и частичного преодоления уравнилельного распределения и повышала терпимость к идеологической пропаганде (с. 83–87). Даже в узко экономическом смысле

советская хозяйственная система объективно нуждалась во «второй экономике», но при этом советская власть относилась к ней как к необходимому злу и тщательно регулировала ее малый формат (с. 89).

Автор подчеркивает принципиальную особенность советской «второй экономики» от «неформальной экономики» остального мира: будучи рыночной, она была отделена жестким барьером от базовой нерыночной экономики, хотя и использовала «бесплатные» ресурсы последней; поэтому «крупные легальные инвестиции» в ее развитие были невозможны.

При знакомстве с этой главой читателю может прийти мысль, с которой нам соглашаться не хочется: изложение принципиальных межсистемных различий упорно напоминает обсуждавшиеся в предыдущих главах различия между развивающимися и развитыми странами, а приведенные автором специальные аргументы в пользу специфики советской «второй экономики» бьют мимо цели. Например, по поводу тезиса о жестких ограничениях на развитие советской второй «экономики», можно задать вопрос: разве в капиталистических странах приветствуется теневая экономика, не выстраиваются ли там барьеры для легализации неформально аккумулированных активов? Точно так же, разве нельзя утверждать, что неформальная экономика Запада, в качестве одной из своих функций, повышает терпимость к идеологии (в определенной степени тоже лицемерной) налоговой прозрачности и аккуратности? Может, и нельзя, – если мы не критически и твердо придерживаемся определенных ценностных позиций либо развиваем более изощренную аргументацию. Здесь мы ставим под сомнение не принципиальные различия между социалистическим и капиталистическим экономическими порядками, а продуктивность использования оппозиции «капитализм – социализм» для систематизации разнородных явлений, относимых к НЭ.

С нашей точки зрения, более удачно такая систематизация приведена в главе 5, где вскрываются различия в функциях НЭ в разнокачественных социальных пространствах. Может даже возникнуть впечатление, что автор на протяжении четырех глав водит читателя по лабиринту редуцированных оппозиций и только после некоторого порога насыщения открывает панораму, в которой, наконец, объект начинает просматриваться отчетливо. У. Эко мог бы назвать этот прием «замедлением»³.

Автор предлагает различать две неформальные экономики узловых и неузловых сетевых пространств в духе концепции сетевого общества М. Кастельса. В узловых пространствах, входящих в мировые сети, локализуются политические институты, концентрируются экономические и интеллектуальные ресурсы, оформляются актуальные культурные коды. «Внеузловое пространство делегирует свои экономические и политические ресурсы узловым центрам, получая взамен опосредованную приобщенность к культуре и товарам мирового рынка» (с. 97–98). Применимость этой метафорической дихотомии, которая в принципе поддается операционализации, автор тестирует на материале теневой экономики и домашнего хозяйства и посредством теоретического анализа выстраивает наборы сравнительных критериев, выявляющих специфику узловых и внеузловых пространств (с. 106–107, 113). Мы не станем останавливаться на изложении: читатель, обратившись к первоисточнику, будет вознагражден, поскольку метафора двух пространств является хорошим аналитическим инструментом для упорядочения приведенных в предыдущих главах «этнографических особенностей» НЭ.

Состоящий из трех глав раздел 3 о социокультурных факторах неформальной экономики анонсирован в качестве попытки уйти от жесткого «экономико-правового подхода». Глава 6 посвящена выявлению специфических черт веками складывавшейся русской (об иной речи

³ Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Symposium, 2002. Гл. 3 («Медлим в лесу»).

не идет) культуры, которые стали ценностным фундаментом для неформальной экономики. Социокультурная специфика непосредственно выводится из геоклиматических условий (бескрайние просторы и низкие температуры), доктрины православия, характера Российского государства (которое на протяжении всей истории навязывало своим подданным институциональные форматы, имевшие мало общего с укоренившимися практиками) и ценностных ориентаций россиян в 1990-е гг.

Сделанную в главе 6 (исключая параграф «История как конфигуратор ценностей») попытку уйти от жесткого «экономико-правового подхода» нельзя считать удачной. Не потому что поиск специфических социокультурных оснований принципиально недопустим, а потому что на 10–15 страницах такую тему не изложить, ибо она требует «большого нарратива». Кроме того, эта попытка явно диссонирует с преобладающим в книге институциональным подходом, концептуальный аппарат которого вполне позволяет описывать сюжеты, свойственные «психологии народов» в ценностно нейтральных терминах. Тем более, что через неудовольствие от «правового нигилизма» «цивилизованные» страны проходили в эпоху начальной модернизации, и нечто похожее повсеместно происходило и происходит при вторжении кодифицированного права в сферу обычного.

Следующие две главы по тщательности анализа и строгости интерпретаций заслуживают самой высокой оценки и, по существу, не имеют отношения к социокультурному анализу. Глава 7 посвящена рассмотрению механизма возникновения доверия в сетевом взаимодействии. Доверие автор противопоставляет надежде – рационально обоснованному чувству (аффективное действие?) – и вере – апелляции к трансцендентной сущности (предельной ценности?). В этой (намеченной нами в скобках) логике доверие можно было бы еще противопоставить ожиданию, основанному на до конца не отрефлексированном, привычном представлении о причинно-следственной связи между посясторонним институциональным порядком и регулируемым им поведением. В этом случае мы имели бы завершённое противопоставление целерационального действия всем остальным типам веберовской типологии: аффективному, ценностно-рациональному и традиционному. Такое добавление вполне соответствовало бы замыслу автора, поскольку ее интересует доверие, в основе которого лежит рационально обоснованное ожидание относительно поведения другого (с. 134).

Фокус внимания концентрируется на том, что сетевой мир вырабатывает и поддерживает механизмы, принуждающие индивидов соблюдать правила сетевого взаимодействия, поэтому возникающее в сетях доверие – вынужденное (с. 136). Таким образом, если контракт имплицитно апеллирует к эмпирически конкретным свидетельствам принудительной силы формальных институтов, то крепость «честного слова» гарантируется тем «ночным сторожем», каким обладает сеть. Сетевое доверие «обусловлено принадлежностью рыночного субъекта к сетевой структуре, санкционирующей поведение своих членов» (с. 136–137). Сила сети позитивно подкрепляется этническими, семейными, религиозными и др. связями, а негативно – остракизмом. Перечислены и прояснены главные условия, от которых зависит действенность сетевых санкций: объем контролируемых ресурсов, монопольность контроля, абсолютная и относительная ценность доступных ресурсов для членов сети, развитость внутрисетевой коммуникации, доверие к формальным институтам «большого общества» (с. 136–143). Издержки обладания сетевым доверием (с. 143–148) проблематизируются (осознаются), когда альтернативные ресурсы, предлагаемые другими сетями или воображаемыми сообществами, начинают казаться более соблазнительными.

В главе 8 неформальная экономика рассматривается сквозь призму концепции солидарности – «особого типа социального взаимодействия, при котором моральное должностничество переводит ресурс идентичности в плоскость реальных действий и активности» (с. 152). Здесь выделяются условия, необходимые для возникновения этого феномена: групповая идентификация (выделение себя из мира других); осознание неблагоприятности жизненных условий для всей группы; нахождение «виновных» (с. 150,

152). Солидарность, основанную на моральном долженствовании, следует отличать от межгруппового сотрудничества, базирующегося на калькулируемом балансе интересов (с. 152).

Это различие полезно при объяснении ослабления ингрупповой солидарности, которой предпочитается сотрудничество с оппонентами (антагонистами). «Мигранты не сплачиваются вокруг общих несчастий, а “растворяются” в обустроенности родственников» и других, в том числе «чужих» местных (с. 159). Предприниматели в «неблагоприятной институциональной среде» предпочитают неформально сотрудничать и с чиновником, и с работником ради «расширения... свободы в экономике» (с. 165). Иными словами, россияне упорно ткут вертикальные сети сотрудничества и не заботятся о горизонтальных сетях солидарности (или на них просто не остается ресурсов).

В разделе 4 «Теневое и криминальное предпринимательство в России» выделим главы 10 и 11. В них на материале экспертных интервью увлекательно рассказаны две истории (кейса) о налаживании сотрудничества между властью и бизнесом: в главе 10 – история взаимоотношений между импортирующим бизнесом и Государственным таможенным комитетом, в главе 11 – сага об упрочении сотрудничества между госструктурами и правообладателями торговых марок в борьбе с контрафактной продукцией. Ценность этих историй видится не только в нескучном изложении и богатой фактической основе. Автору удалось дать теоретически релевантное и этнографически насыщенное описание центральных сюжетов и не упустить некоторые непервостепенные, но принципиально важные для понимания ситуаций сюжеты, факты и обстоятельства, обозначить пересечения интересов. Автор, таким образом, вполне органично выступает в книге не только как строитель «теоретической пирамиды», но и как «рассказчик». С дидактической точки зрения описания обоих кейсов можно отнести к образцово-показательным.

Если в главах о таможене и контрафакте участниками диалога по поводу правовых инноваций выступали две стороны, то в разделе 5 «Теневой рынок труда в России» в коллизии показано многообразие участия трех сторон: власти, капитала и труда. В главе 12 автор рассматривает понятия теневого и фиктивного рынков труда, подробно описывает *мотивы* участия в них продавцов и покупателей рабочей силы. В отношениях на теневом рынке труда выделяются две ситуации: бесконтрактного найма и расхождения между формальными и фактическими условиями найма.

Иные мотивы движут самозанятыми (нерегистрируемыми предпринимателями), для которых транзакционные издержки входа на рынок труда – в качестве работника и (или) работодателя – оказываются непосильными. Из изложения можно понять, что нерегистрируемое предпринимательство отчасти возникает как (или «маскируется» под) направление характерных для реципрокного обмена товаров и услуг в сферу товарного обмена – продажа излишков (сверх элементарно необходимого) выращенных цветов, семечек, выполнение домашних работ в «свободное время». Нерегистрируемое предпринимательство является маргинальным: из этой позиции возможна как восходящая трудовая мобильность (устройство на легальную работу, переход в лоно легального или более безопасного предприятия, легализация предпринимательства), так и нисходящая – уход с рынка труда. В этом смысле сферу самозанятости можно рассматривать как инкубатор первичного накопления ресурсов, необходимых для входа (или возвращения в новом качестве) на рынок труда.

В главе 13 всесторонне рассматривается коллизия по поводу расширения легальности трудовых отношений с принятием нового Трудового кодекса и, что, на наш взгляд, особенно ценно, обрисованы контуры социологической экспертизы в законодательной деятельности. Подробно изложены принципиальные различия основных проектов ТК (правительственного и профсоюзного) в «идеологии», в соотношении защищенности работников и действенности санкций против работодателей, а также в оценках стоимости двух первоначальных и

принятого компромиссного варианта. Закомплексованные от сомнений в своей общественной полезности коллеги-социологи с удовлетворением обнаружат, что реализация теоретически фундированных и методически выверенных исследовательских проектов вполне может быть увязана с управленческой практикой в решении насущных и масштабных социальных проблем (см. особенно с. 260–272).

В главе 14 подробно и систематично характеризуются *причины* распространенности устного найма в современной России, действующие на макро-, мезо- и микроуровне. Поскольку причины и мотивы в описании одного и того же явления строго разграничить не просто, читатель найдет здесь некоторые сюжетные и текстуальные переклички с главой 12.

На парадоксах строится ярко написанная глава 15, в которой собраны сходства формального и неформального найма с точки зрения участников купли-продажи рабочей силы.

Раздел 6 посвящен обзору и методологической критике наиболее распространенных методов оценки объема теневой экономики: прямых и косвенных.

При использовании методов первой группы выделены две стратегии: (1) использование самоотчетов о произведенных домохозяйствами тратах на потребление с последующими расчетами стоимости потребленных теневых товаров и услуг и (2) выявление расхождений между официальными доходами и расходами домохозяйств. Принципиальный недостаток заключается в технических трудностях получения надежных и точных данных о произведенных тратах (даже при готовности респондентов к сотрудничеству). Кроме того, улавливается только та часть теневой стоимости, которая идет на потребление и накопление домохозяйствами. Очевидно, что здесь совсем не учитывается стоимость трансакционных издержек, потребляемых самим бизнес-сообществом и государством, в том числе на легальные, официально провозглашаемые цели.

Вторая группа методов базируется на толковании несоответствий между макроэкономическими показателями, получаемых на основе разных алгоритмов сбора первичной информации и ее агрегировании. Слабость методов этой происходит из «родимых пятен» макроэкономического моделирования: все модели строятся на предположениях, которые сами нуждаются в проверке, а данные экономической статистики не могут не быть приблизительными. Вместе обе слабости приводят к большому разбросу в оценках, полученных с помощью разных алгоритмов, и (или) к противоречию с оценками экспертного «здравого смысла».

Автор предостерегает читателя от наивной веры в цифру (с. 328) и убедительно показывает, что результаты, полученные с помощью современных методов оценки масштабов теневой экономики, пригодны не столько для описания реальности, сколько для конструирования и оправдания административной повестки дня. Особо следует подчеркнуть систематичность и прозрачность изложения сугубо технических вопросов.

Разделы 7 и 8 посвящены тем видам неформальной экономики, которые, согласно схеме автора (с. 38), функционируют не «вопреки закону», а «вне закона», т.е. принципиально не подлежат формализации и прямому политэкономическому администрированию со стороны государства: сфере реципрокного обмена и домашней экономики.

При раскрытии «сущности, функций и специфики» реципрокных взаимодействий в главе 18 автор опиралась на «Великую трансформацию» К. Поланьи, в которой изложена идея «альтернативных (нерыночных) принципов экономической организации и социальной интеграции» (с. 330). Подчеркивается, что рыночный обмен (сфера которого бесспорно подлежит формализации) даже в европейском обществе возобладали лишь в XIX в. Важна также мысль, что «выделенные Поланьи формы интеграции – реципрокность, перераспределение и обмен – не отражают стадии развития, принятые в традиционном марксизме» (с. 332) и сосуществуют в любом обществе, в том числе и в современном. В частности, «реципрокность доминирует каждый раз, когда мотив прибыли (свойственный

экономике обмена. – *О.О.*) или концентрации ресурсов в центре (свойственный раздаточной экономике. – *О.О.*) утрачивает актуальность» (с. 332).

Далее дается подробное сравнение реципрокного обмена с товарным обменом и патрон-клиентскими отношениями. Несмотря на некоторую нестрогость противопоставлений – в частности, «культурные нормы реципрокных отношений» противопоставляются «обезличенным законам рынка» (с. 335), которые также являются культурной нормой, – очевидно главное различие между обменом дарами и товарами: первый ориентирован на выживание сообщества в целом, второй – на максимизацию выгоды отдельными индивидами, когда элементарное выживание сообществом *не* проблематизируется. Это функциональное различие хорошо объясняет, например, указанное в следующей главе ослабление реципрокной взаимопомощи в крестьянской среде с появлением внешних источников в период относительного расцвета колхозов и совхозов (с. 352).

К сильным сторонам сравнительного анализа относится увязывание (сделанное в логике, предложенной В. Радаевым⁴) трех идеальнотипических форм интеграции – реципрокности, перераспределения и обмена – с обретением разных видов капитала: социального, административного и экономического соответственно. Заслуживает внимания и предостережение от ошибки видеть радикальную уравнительность в распространенных в крестьянском мире практиках взаимопомощи (с. 350).

В конце главы 18 автор обещает читателю прекратить «аналитическое умерщвление жизни» и перейти к реальным процессам (с. 343), но выполняет свое обещание только в главе 20. В главе 19 читателя еще ждет обзор некоторых подходов к изучению сетевой взаимопомощи; здесь рассмотрены «антропологическая традиция», «традиция сетевого анализа» и «историческая социология крестьяноведения». Описание каждого из трех подходов завершается характеристикой исследовательского репертуара.

Под заголовком «Эмпирический портрет реципрокных взаимодействий российских домохозяйств» (глава 20) читатель найдет вдохновляющее на исследовательские предприятия описание методических приемов сбора, обработки и интерпретации данных. С нашей точки зрения, это – одна из лучших глав книги, в чем читателю лучше убедиться самому.

Раздел 8, состоящий из двух глав, посвящен рассмотрению домашней экономики. Здесь даются теоретические определения базовых понятий и методологическая рефлексия способов измерения домашнего труда, а также в сравнительном ключе излагаются основы экономических и социологических теорий, объясняющих ролевую дифференциацию внутри домашней экономики.

В последнем параграфе главы 21 читатель найдет альтернативную трактовку мотивов (или функций) занятия домашним трудом, о которых уже говорилось в главе 5. Однако, если в первом случае различение функций домашнего труда в узловом и внеузловом пространствах несет важную объяснительную функцию, то в заключительном разделе автор увлекается построением «исторического» сюжета, из которого можно сделать чересчур оптимистический вывод о том, что торжество рыночной экономики россиянами празднуется массовым переходом российских домохозяйств от элементарных сберегающих стратегий к достижению высокого качества жизни посредством домашнего труда.

Завершающая книгу глава 22 интересна не только содержанием, но и композиционным решением. Сначала в ней излагаются результаты ряда обследований, эмпирически доказывающие неравенство распределения домашнего труда между супругами, после чего

⁴ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–17 (<http://ecsocman.edu.ru/ons>).

этим результатам даются альтернативные – с точки зрения экономических и социологических теорий – интерпретации.

В заключение отметим, что несмотря на некоторые неточности и повторы, текст в основном выписан тщательно и, что немаловажно, со вкусом и уважением к читателю. Сама канва книги постоянно убеждает, что автор писал ее не как памятник («нетленку»), перед которым следует благоговеть, а как рабочий текст, рассчитанный на размышления, сомнения, обсуждение и дальнейшее уточнение.